

А.В. Корочаров

РАСПАД СССР В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Аннотация. За период, прошедший с момента распада СССР, появилось много научных работ, посвященных исследованию этого события. Имеется большой объем литературы: статьи, монографии, мемуары, периодическая печать и др. Требуется осмысление и систематизация этого материала. В данном контексте важную роль играет анализ методологических позиций авторов. В данной статье предпринята попытка охарактеризовать такие позиции, а также методологические подходы различных ученых.

Решение поставленных задач достигалось путем изучения монографий и статей, опубликованных отечественными учеными за прошедшее с момента распада СССР время, а также работ зарубежных авторов, изданных за период существования СССР. Исследование построено в соответствии с анализируемыми методологическими подходами по проблемному принципу. Вместе с тем применялись описательный, типологический, аналитический и сравнительный методы.

В статье осуществлена классификация методологических позиций отечественных ученых, исследовавших историю распада СССР. Кратко рассмотрены особенности работы исследователей в рамках каждой методологической позиции, отмечены наиболее ценные в научном отношении аспекты каждого из подходов, позволившие уже сейчас достичь определенных результатов в изучении проблемы распада Советского Союза.

Отечественная историография данного вопроса изначально находилась – и по сей день остается – под значительным влиянием теоретических концепций, зародившихся на Западе во второй половине XX в. Основными методологическими подходами к изучению причин распада СССР среди отечественных ученых являются тоталитарный, модернизационный, имперский, марксистский, культурологический подходы, а также социальная синергетика.

Ключевые слова: методологический подход; распад СССР; историография; этнонационализм; теория модернизации; теория тоталитаризма; социальная синергетика.

Корочаров Алексей Владимирович – учитель истории и обществознания, Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение средняя общеобразовательная школа с. Бессоновка (МБОУ СОШ с. Бессоновка, Бессоновский район Пензенской области), Россия, Пензенская область. E-mail: korocharov@mail.ru
Web of Science Researcher ID: AAF-3646-2020

A.V. Korocharov. Dissolution of the USSR in the Russian Historical Studies: Principal Methodological Approaches

***Abstract.** In the period since the disintegration of the USSR, there appeared a great number of studies dedicated to this event. There is a sufficient body of scientific works: articles, monographs, memoirs, periodicals and other publications. All this calls for further reflection and systematization. In this regard, what is important is the analysis of the authors' methodological positions. This article constitutes an attempt to characterize such methodological approaches of various researchers.*

The paper reviews monographs and articles published by Russian scholars since the disintegration of the USSR as well as the works by foreign authors published during the existence of the USSR. Classified are their methodological principles, with the analysis aimed at identifying distinctive characteristics of individual theoretical paradigms. As a result, this made it possible to highlight the most valuable aspects of existing theoretical approaches, which, in sum, bring us closer to understanding the dissolution of the Soviet Union.

The Russian historiography on this problem was initially – and to this day – influenced by theoretical concepts formulated in the West in the second half of the 20th century. Nowadays, the basic approaches used in this field are «totalitarian», «modernizing», «imperial», Marxist, cultural and synergistic.

***Keywords:** methodological approach; disintegration of Soviet Union; historiography; ethnic nationalism; theory of modernization; theory of totalitarianism; social synergetics.*

Korocharov Alexey Vladimirovich – Teacher of History and Social Studies; Municipal Budget Educational Institution Secondary School of Bessonovka. Bessonovka, Bessonovsky District, Penza Region, Russia, Penza Region. E-mail: korocharov@mail.ru Web of Science Researcher ID: AAF-3646-2020

Проблема изучения распада СССР представляет собой значительный интерес, так как, с одной стороны, данное событие предопределило весь дальнейший ход российской истории, а с другой – сам процесс исследования фактически развивался параллельно с формированием новой политической системы в России. Тем не менее в настоящее время отечественная историография распада СССР находится под влиянием западных теоретических установок, выработанных учеными, изучавшими Советский Союз еще в период его существования. Эти установки были предметом анализа некоторых исследований в нашей стране [Семенов 2001]. В целом ученым удалось выявить и охарактеризовать довольно широкий спектр теоретических концепций по вопросу причин распада СССР, рассмотреть современные направления развития историографии по указанной проблеме [Кириллов 2008, с. 62–70]. Предпринимались попытки периодизации накопленного историографического наследия [Коршунов, Кочеткова 2014]. Данная статья является продолжением

этой работы, в ней взгляды российских ученых классифицированы по методологическому признаку, охарактеризованы некоторые малоизвестные методологические подходы.

Среди упомянутых выше установок первой возникла теория тоталитаризма. Термин «тоталитаризм» возник еще в 1920-х годах применительно к режиму Б. Муссолини [Петров 2011, с. 9], впоследствии советское государство также стало причисляться к тоталитарным, а окончание Второй мировой войны и новый виток противостояния СССР с Западом привели к завершению оформления концепции тоталитаризма.

В соответствии с ней мир делится на две части – свободный или открытый Запад и закрытый, тоталитарный коммунистический мир во главе с СССР. «Тоталитаристы» стремились в своих работах найти четкие критерии отличий тоталитарного общества от западного (открытого или либерального). Сделать это, как оказалось, было непросто, и ученые смогли найти стойкие и явные различия лишь в политической сфере. Сводились они к тому, что в тоталитарном обществе существует особая форма власти, основанная на подавлении личности силовыми и пропагандистскими средствами, стремлении власти установить полный контроль над жизнью людей и т.п. [Friedrich, Brzezinski 1961]. Эта теория признавала ошибочность советского опыта по отношению к западному образцу [Пайпс 1993, с. 293], наличие политических изъянов в его основах, ведущих к принципиальной неререформируемости [Malia 1994, p. 5]. Такая логика предполагает, что советское руководство в любом случае не смогло бы реформировать систему, а значит, от нее пришлось бы отказаться.

Ко времени распада СССР данная точка зрения на Западе утратила былую привлекательность, но это не помешало ей стать весьма популярной в России. С самого начала 1990-х годов в нашей стране начали издаваться многочисленные работы по теме распада Советского Союза, в которых в той или иной мере отражено влияние данного подхода.

В работах тех лет довольно часто встречаются повторения канонического для данного подхода положения о невозможности реформирования СССР [Согрин 1995], о неизбежности «дезинтеграции Союза в условиях свободного естественно-исторического развития...», об очевидных причинах распада СССР («протivoестественная империя не выдержала даже легкого дуновения свободы и распалась, как картонный домик» [Согрин 1992, с. 147]). Разрушение СССР представлялось вполне закономерным явлением на том основании, что «тоталитарные системы не поддаются радикальному реформированию: их можно либо слегка подновить, либо полностью разрушить» [Баталов 1992, с. 26].

Представления об СССР как о тюрьме народов, сегодня во многом изжитые [Тишков 2005, с. 594], также не были редкостью. Утверждалось, что

советский тоталитаризм пытался превратить всех граждан страны в «однородную массу без рода без племени, без исторической памяти, без веры» [Бородай 1992, с. 122]. Искусственным образом насаждался новый этнос – советский народ, что в итоге и привело к краху.

Некоторые исследователи выражали свое мнение довольно тенденциозно: «Общество – монстр, созданное в Советском Союзе партийно-государственной бюрократией, клявшееся в своей верности народу, пропитанное сталинским тоталитаризмом, должно было проснуться к новой жизни и совершить анти-тоталитарный демократический переворот» [Бутенко 1992, с. 65].

В советской системе выделялся особый тоталитаризм советского типа – «сталинский казарменный псевдосоциализм», который начал разрушаться сразу после смерти своего создателя. А процесс существования советского общества с этого момента и до начала 1990-х годов был непрерывным разрушением тоталитаризма [Бутенко 1995].

В наступившем новом веке «тоталитаристский» подход продолжает сохраняться. В частности, в его рамках проводил исследования известный политик и ученый Е. Гайдар, видевший одной из главных своих задач «показать, что советская политико-экономическая система была по своей природе внутренне нестабильной. Что вопрос стоял лишь в том, когда она рухнет» [Гайдар 2006, с. 9].

Данная парадигма наложила свой отпечаток и на воззрения исследователей, в целом признающих многофакторность процесса распада СССР. Так, у известного историка Р. Пихои читаем следующее: «Советская система оказалась принципиально неререформируемой. Она могла жить только как система централизованная, свинченнная номенклатурной, партийно-государственной вертикалью, использовавшая в качестве источников своего бытия государственную собственность, огромные природные ресурсы и возможности мобилизационной экономики. Угроза внешней опасности, стабильность, определенные социальные гарантии для граждан СССР, надежда на светлое будущее составляли внутреннюю суть советской системы. Будучи неререформируемой, эта система оказывалась нежизнеспособной» [Пихоя 2005, с. 422].

Нельзя не учитывать то, что данный подход весьма удобен для использования в политических целях, что является одним из факторов его «живучести» в России. Распад СССР – это событие, которое пока еще невозможно отделить от политики, и в этом отношении тоталитарная модель с ее заметной политико-идеологической составляющей остается актуальной в нашей стране. Пока еще очень многим выгодно считать, что в основе гибели СССР находились «не личные качества Горбачёва и не консерватизм партноменклатуры. Они глубже. Это крайняя степень неэффективности сформировавшейся еще в 1920-х годах советской экономической и политической системы» [Безбородов, Елисеев, Шестаков 2010, с. 166].

Вместе с тем появлялась и первая критика тоталитарной модели, указывавшая вначале лишь на ошибочность смешивания фашистской и коммунистической форм тоталитаризма [Бутенко 1995].

Несколько позже пришло общее понимание того, что тоталитарный подход загоняет исследователя в узкие рамки заданных теоретических установок, что препятствует движению к объективности [Источниковедение 2004, с. 21–24].

Главной методологической альтернативой стал «модернизационный» подход, возникновение которого было во многом обусловлено политической ситуацией в СССР и международной обстановкой в 1960-х годах. Как известно, за жестким противостоянием начального периода холодной войны последовала «разрядка» в международных отношениях. С этим, а также с советской «оттепелью» и войной во Вьетнаме были связаны предпринимавшиеся на Западе попытки по-новому взглянуть на советский опыт, который теперь представлялся далеко не таким мрачным как ранее. Такая позиция постепенно утвердилась среди нового поколения западных ученых. Именно в этот период исследователи на Западе, придерживавшиеся «модернизационного» подхода, начали применять его к изучению Советского Союза. Они подошли к оценке сталинского периода с иных позиций [Hough 1978, p. 246], обратили внимание на такие аспекты, как социальные отношения и культура, неоднородность советского общества и наличие у него собственных интересов, отличных от интересов власти [Fitzpatrick 1979]. Трактовка «тоталитаристами» таких вопросов советской истории, как абсолютная единоличная власть Сталина и полное соответствие между партией и реализуемой ей идеологией, были поставлены под сомнение. Пересмотр сторонниками нового подхода тезисов «тоталитаристской» теории привел к тому, что он получил название «ревизионистского».

«Ревизионисты» впервые стали рассматривать историю СССР в качестве составляющей мировой истории с присущими ей процессами, характерными и для других стран, например процессом модернизации [Lowenthal 1970, p. 108–116]. Таким образом, Советский Союз переставал выглядеть неким монстром.

Именно этот подход был преобладающим на Западе в постсоветский период. Хотя отдельные исследователи в России, не преследуя цели устраивать соревнования между подходами, обратили внимание на отсутствие теоретической модели для изучения очень специфичного советского опыта, позволявшей сколько-нибудь адекватно его оценить. Они признавали, что наиболее обоснованной из таковых моделей была тоталитарная парадигма, поскольку именно она в наибольшей степени среди существующих концепций отражала своеобразие советской общественной системы. Поэтому отказ от нее означал регресс в понимании советского прошлого [Павлова 1998].

В целом же с первой половины 1990-х годов в работах российских ученых прослеживаются элементы ревизионистского взгляда, основанного на теории модернизации.

Исследователи связывали советские реформы с «запоздалым типом модернизации России» [Согрин 1994], признавали существование правильной дороги модернизации и «деформации модернизационного процесса» в России [Стецура 2004, с. 376], в результате которой была построена особая форма власти – «директивная демократия». То есть демократия не настоящая, не западная. Именно эта деформация и привела в итоге к краху. Советский период представлял «экспериментом», проводимым ради преодоления отставания в развитии от западных стран [Зубков 2004].

Одной из самых известных попыток теоретически объяснить причины распада СССР с позиции теории модернизации является статья В.В. Алексева и Е.В. Алексеевой. Авторы выходят за рамки этого подхода и включают в свое исследование элементы имперской парадигмы, которая будет рассмотрена позже. Они также полагают, что «объяснение гибели Российской (советской) империи следует искать в теоретической плоскости, координаты которой заданы имперским и модернизационным векторами» [Алексеев, Алексеева 2003, с. 5]. Таким образом, В.В. Алексеев и Е.В. Алексеева считают распад СССР итогом длительных исторических процессов – развития традиционной империи (видами которой были царская Россия и Советский Союз) и модернизации. С их точки зрения СССР потерпел крах в результате сложного переплетения этих двух векторов развития, которые оказывали взаимное влияние друг на друга. В целом авторы признают, что традиционная Российская (советская) империя погибла из-за того, что ее модернизация проходила по некоему неправильному пути.

По мнению других ученых, распад СССР «явился для России цивилизационной катастрофой потому, что под знаком объективно необходимой модернизации была сделана попытка осуществить “вестернизацию”. На деле либеральные реформы привели к демодернизации страны, подмена действительных ценностей квазиценностями отбросила страну на многие десятилетия назад» [Сенявский 2004, с. 99].

С модернизационной парадигмой перекликаются взгляды А.А. Зиновьева, анализ причин распада СССР которого органично вписан в его систему взглядов на развитие общества в целом. Он исходит из того, что в XX в. главной линией мировой истории стала борьба за лидерство в мировом эволюционном процессе между Западом и Советским Союзом. Последний смог предложить свой собственный проект, рассматриваемый автором не как ущербный, а как равнозначный и в некоторых областях даже более прогрессивный. Но силы сторон были сильно неравными, и в итоге Запад одержал верх, используя методы экономического, политического и, что особенно

важно, идеологического давления. Как пишет автор, «именно идеологическая сфера оказалась самым уязвимым звеном в советском обществе в его противостоянии Западу» [Зиновьев 1994, с. 110]. Сходство с «ревизионистами» здесь выражено не только тем, что советский опыт представлен ученым как некий проект альтернативной модернизации, но и тем, что как и «ревизионисты», автор убежден в отсутствии предопределенности распада СССР [Зиновьев 2009, с. 57].

Имела место и критика данного подхода. Исследователи обращали внимание на тот факт, что «многомерность всякого национального и цивилизационного пространства, которое подвергается модернизации, требует введения адекватных теоретических парадигм, достаточно устойчивых по отношению к одномерным идеологическим интерпретациям. Но более всего этот принцип относится к такому обширному, сложному и долговременному цивилизационному образованию, как Россия». Все это делает применение единой унифицированной схемы для разных обществ некорректным [Ерасов 1995, с. 73].

Поднимался вопрос и о сложности использования модернизационного подхода, связанной с тем, что «как в западной историографии, откуда пришли в отечественную историческую науку различные теории модернизации, так и в современной российской историографии не существует единства ни в определении самого понятия “модернизация общества”, ни в характеристике особенностей модернизационного подхода к изучению исторического процесса» [Заболотный, Камынин 2004, с. 487].

И.В. Герасимов в противовес имевшимся исследованиям в рамках модернизационного подхода, авторы которых брали за основу изменение социально-экономических, либо общественно-политических институтов, подходит к анализу истории России с несколько иных позиций. Он считает продуктивным при изучении Новой и новейшей истории России опираться на «модель модернизации, которая рассматривает этот процесс прежде всего как коллизию смены типов сознания, трансформацию субъекта общественного сознания, наконец, изменение типа самой общности людей» [Герасимов 1994, с. 63].

Автор выделяет традиционное и современное общества. Различием между ними является положение личности в обществе. Если в традиционном обществе личность – это всего лишь частичка общественной духовной матрицы, которая существует независимо от этой личности и включает ее в себя, то в современном обществе (обществе нового времени) личность обладает полной «духовной автономией от общества», став независимой и самодостаточной.

Процесс перехода от традиционного общества к современному, от первого типа личности и мышления ко второму проходил в России насильственно, через внешнее воздействие, не будучи результатом внутреннего развития,

как в западных странах. Это определило сложности этого перехода, который в полной мере не осуществлен до сих пор. Идут постоянные движения то в одну, то в другую сторону.

Переломный период начала 1990-х годов снова обострил этот вопрос. Россия как бы попала в порочный круг модернизационного развития и либо может совершить очередной его этап, либо вырваться из него [Герасимов 1994].

В целом модернизационная парадигма позволяет выйти за узкие рамки, устанавливаемые «тоталитаристской» моделью и рассматривать историю СССР как органическую часть мировой истории со своими особенностями. Это позволяет ставить вопросы об альтернативности в развитии Советского Союза, о сущности реформ и причинах распада, снимает идеологическую заданность исследований. Слабой стороной теории является недостаточная определенность центрального понятия – модернизации.

Факт распада СССР и поиски ответа на вопрос о причинах этого события заставили многих специалистов искать новые объяснительные модели. Одним из результатов этих поисков стало появление нового взгляда на историю СССР. Ученые на Западе обратили внимание, что причины распада СССР могут уходить корнями в досоветское, имперское прошлое, тем более что по своей сути советское государство было воссозданной формой этой империи. Модернизация в советском обществе привела к серьезным социально-экономическим и политическим изменениям. В результате этого процесса был дан значительный импульс развитию национальных элит народов СССР, вставших на путь строительства собственных государств [Каппелер 2000]. С этой точки зрения Москва объективно способствовала своей политикой формированию и эмансипации этих элит, выступая как центр большого многонационального государства – империи, а распад СССР – это распад многонациональной империи, подобной Габсбургской или Османской. Такой подход к анализу причин распада СССР называют «имперским». В его рамках становится важным изучение характера взаимодействий «центр – периферия», а также процессов, протекавших в элитах республик и центра.

Некоторые ученые занимались изучением элиты еще в начале 1990-х годов, объясняя распад СССР процессами, происходившими внутри этой социальной группы [Кургинян 1992, с. 33–34]. Мнение о «разложении правящей элиты» разделялось историками и в работах более позднего периода [Медведев 2010, с. 631].

Процессы, происходившие в элитах, часто отражали национальные проблемы и межнациональные отношения в союзные государства. Исследователи обратили внимание на то, что провозглашенная политика по слиянию наций в советский народ не соответствовала реальным отношениям центра и республик, которые строились на национальной основе. И даже само деление

СССР было организовано по национально-государственному типу, а не по территориальному, что само по себе также было миной, изначально заложенной под фундамент СССР. Национальные элиты после смерти И.В. Сталина постоянно укреплялись и при Л.И. Брежневэ этот процесс «зашел настолько далеко, что центр уже был не способен посягнуть на власть и интересы местных элит» [Вдовин 2013, с. 378]. Возможно, ключевой причиной этого стало то, что «советскому обществу не удалось отладить систему самоуправления и действенного контроля “низов над верхами”, без чего они оказались беззащитными перед диктатурой вождей и всевластием партийно-государственной элиты» [Барсенков, Вдовин 2010, с. 12].

В кризисе советской государственной политики в сфере национальных отношений, приведшем к многочисленным ошибкам в период перестройки, видит одну из главных причин распада СССР З.А. Станкевич. Итогом этого кризиса, полагает он, стала ситуация, когда в ходе разработки нового Союзного договора руководство союзных республик прикладывало максимальные усилия к достижению независимости, а центр в ответ не смог выстроить грамотную позицию [Станкевич 2001, с. 261].

Другие ученые, что называется, пошли еще дальше. По их мнению, вся советская система представляла собой «огосударствленный этнонационализм», который «утверждал этничность в качестве одного из главных принципов построения государства и общества». Говоря проще, советское государство сознательно было выстроено из этнических единиц, которые объективно имели и проявляли свои националистические интересы. «При создании и первоначальном устройстве СССР был запущен в действие механизм производства этнонационализма – как принцип организации государства и общества и как мировоззренческая норма. Этот механизм привел к формированию социальных групп, интересы которых могли реализоваться именно через национализм, породил многообразные противоречия между “нациями и народностями”, которые он же во многих случаях и создал» [Чешко 2000, с. 200, 219]. Предполагалось, что в ходе движения к коммунизму эти национализмы сами собой растворяются в более общих интересах советских людей, но этого не произошло.

В результате такого устройства государства сложилась ситуация, когда республиканские элиты смогли выдать свои узкие политические и экономические интересы за интересы всего этноса, что привело к обострению национальных проблем в СССР и началу вооруженных конфликтов. «Выйдя в годы перестройки из подполья, и наложившись на спонтанную во многом тенденцию “этнического возрождения”, национализм стал одной из ведущих политических сил» [Чешко 2000, с. 367]. К национализму республик добавился необольшевистский по своему радикализму напор российских демократов и неспособность или нежелание Горбачёва контролировать ситуацию.

Ученые также обратили внимание на влияние процессов развития индустриального общества на национальные вопросы [Распад СССР 2006, с. 3]. Отмечалось, что «у этнонационального кризиса была своя логика долгосрочного развития, которая наложилась на события перестройки». Эта логика включала в себя и определенные проблемы. Если в фазе становления индустриального общества было сильным стремление к стандартизации, то «на новом витке развития культуры и общества, когда индустриальное общество достигло пика своего развития и приблизилось к полосе кризиса, возникает стремление к своеобразию, а не стандарту, усиливается интерес к национальным корням, поиск собственной идентичности, в том числе национальной». Кроме этого, была сильная разнородность в этническом составе и разные уровни развития народов и народностей, неравномерно росла численность разных народов, что также было связано с уровнями их развития и вело к «росту напряженности между представителями различных культур». На поздних ступенях перестройки, увидев в национальных движениях хороший способ реализации своих целей, «региональные кланы элиты уже задумывались использовать “национальное возрождение” в целях борьбы против центра». Что в итоге и было сделано. Решающим же для распада СССР стало аналогичное поведение российских «патриотов» и «демократов» во главе с Ельциным [Распад СССР 2006, с. 4, 7, 9, 10, 18].

По вопросу распада СССР существует много работ, которые нельзя назвать инновационными с точки зрения методологических оснований. Речь идет об отечественных ученых, работающих в целом в рамках методологии советского марксизма, но принимающих во внимание и иные подходы. В этих работах прослеживаются собственные ценностные и политические установки авторов, большинство из которых сформировались и утвердились в Советском Союзе. Условно можно объединить этих исследователей в некое патриотическое направление историографии, поскольку все они считают, что гибель СССР – это событие, имеющее отрицательные для страны последствия, и было организовано специально для подрыва мощи страны. С методологической точки зрения в распаде СССР они видят реставрацию капитализма в России, осуществленную обуржуазившейся советской номенклатурой и заговорщиками. С точки зрения интеллектуально-методологических изысканий такая позиция не выглядит оригинальной. Но несмотря на это, объяснить возникновение этой модели можно, о чем свидетельствует хотя бы факт создания множества работ, в которых проведен серьезный анализ конкретных событий. Это направление восходит к политическим битвам времен перестройки между консерваторами и сторонниками реформ. Эта позиция в значительной мере отражена в выступлении Г.А. Зюганова на суде по делу КПСС в 1992 г. [Зюганов 1992].

К этому направлению относится позиция С.Г. Кара-Мурзы, который считает, что советский строй – это нечто особенное, органично подходящее нашей стране с ее спецификой. Советский проект, полагал автор, «по своим масштабам был крупной цивилизационной программой, продолжавшей траекторию движения России как цивилизации». Этот строй не был идеальным, и в нем имели место кризисные явления, но они вызвали бы совершенно иные последствия, не будь такого решающего фактора, как Запад. Подобно А. Зиновьеву С. Кара-Мурза считает, что причиной ненависти Запада к СССР было то, что наша страна предложила принципиально иную парадигму развития, что угрожало глобальной гегемонии Запада, а может и его упадком. Антисоветские идеологи трактовали недомогание (пусть даже болезнь) советской системы, через которое периодически проходят все промышленные страны «как признак смерти системы советской» [Кара-Мурза 2001, с. 400, 207, 228, 642].

В этом ракурсе распад СССР – это «*новая революция*» (курсив мой. – А. К.), подготовленная и осуществленная социальными силами, выращенными в лоне советского строя. Они не предполагали и не могут восстанавливать досоветский тип жизнеустройства, это разрыв непрерывности, разрыв со всей цивилизационной траекторией России» [Кара-Мурза 2001, с. 306].

Известный историк И.Я. Фроянов также высказывал свою точку зрения. Он также признает существование кризиса в СССР, в основе которого было отчуждение «трудящихся от собственности». После И.В. Сталина никто так и не смог внести в конструкцию СССР позитивных изменений, способных изменить отношение трудящихся к результатам своего труда. Более того, за послевоенный период в среде номенклатуры появляется прослойка будущих сторонников буржуазной реставрации, почуявших дурманящий аромат частной собственности [Фроянов 1999, с. 28, 37].

Автор считает, что возможности для преодоления кризиса были, но их не захотели использовать. Вместо того чтобы попытаться этот кризис преодолеть, Горбачёв и его соратники, начав в стране «перестройку», фактически пустили ее под откос. Это на словах выглядело «как обновление социализма, придание ему “человеческого лица”, а на деле было чудовищным разрушением советского общественного государственного и политического строя. Как показало время, цель, которую преследовали разрушители, состояла в том, чтобы реставрировать буржуазные отношения в нашей стране (это называлось переходом к рынку), привязать ее экономику к западной и создать благоприятные условия для дальнейшего продвижения в построении нового мирового порядка, новой вселенской цивилизации во главе с мировым правительством» [Фроянов 1999, с. 56].

Д.А. Лукашевич, исследовавший юридическую сторону распада Советского Союза, признает, что этот процесс, начиная с перестройки, был

инициирован с целью легитимизировать переход колоссальных государственных ресурсов в частные руки – руки бывших представителей советской номенклатуры. Именно это лежало в основе всех проводившихся политических реформ, сутью которых являлось лишение КПСС монополии на власть, размывание и дублирование функций центральных ведомств, легализация фракционности внутри партии (в частности, появление МДГ, действия которой поддерживались М. Горбачёвым и имели явно деструктивный характер) [Лукашевич 2016, с. 124].

Для некоторых исследователей, имеющих схожие воззрения, характерно выделение в качестве главного или одного из таких фактора заговора. Так, В.А. Дрожжин писал о заговоре, инициаторами которого выступили сионисты [Дрожжин 2009]. И. Панарин считал, что в высших кругах советской политики имелись внедренные «агенты влияния», главным из которых был М.С. Горбачёв [Панарин 2010, с. 205].

Учитывая высокую степень политической значимости исследуемого вопроса, возникновение подобных теорий не должно казаться чем-то необычным. Возможно, они не вполне отвечают критериям научности, но их игнорирование не сделает историографический обзор более полным, а определенная доля политической конъюнктуры есть в любом исследовании.

Интересна и оригинальна исследовательская позиция российского философа А.С. Ахиезера, которая может быть охарактеризована как культурологический подход к вопросу. Ученый рассматривает историю как постоянный процесс вызревания и развития все новых социокультурных противоречий, требующих для своего преодоления серьезных изменений в поведении людей, роста эффективности антикризисных решений. Причем эти решения принимаются не только на высшем уровне, но и в повседневной жизни. В этом отношении каждый член общества несет ответственность за его развитие.

Если способности людей к культурной интеграции, к объединению усилий с целью решения возникающих проблем не соответствуют сложности самих этих проблем, то происходят общественные катастрофы.

В истории России часто бывало так, что одна часть населения выступала за изменения, а другая за сохранение старого. Неспособность этих групп договориться и выработать взаимоприемлемое решение приводила к социальным катастрофам.

События рубежа 1980–1990-х годов ученый рассматривал в соответствии с этой теоретической схемой. «Перестройка... несла в себе весь груз противоречий прошлого, возрастающих трудностей решения медиационной задачи, противоречий между уравнильным массовым сознанием, ориентированным на статичные локальные ценности, и жизненно важными потребностями общества, которые стимулируются развитием утилитаризма, потребностями в росте и развитии». Как писал автор, «суть этапа перестройки можно понять,

только учитывая, что буквально каждая клеточка общественной активности страны, каждая инновация пронизана скрытым расколом между соборным и либеральными нравственными идеалами» [Ахиезер 1998, с. 634, 636].

Носителем соборного (консервативного) идеала выступали рабочие, чья культура была «унаследована от сельских локальных сообществ, от артелей городских работников». Автор говорит о преобладании среди рабочих «традиционалистского» сознания, в соответствии с которым они «предпочитают не достижительные ценности, ценности развития и прогресса, но озабочены в первую очередь борьбой с оборотнями зла». Попросту говоря, они считают, что если что-то менять, то можно потерять все. Поэтому лучше избавиться от плохого то, что есть. Это дает автору основания характеризовать взгляды рабочих как манихейские, а их самих считать сторонниками «традиционализма, одобренного утилитаризмом» [Ахиезер 1998, с. 636, 639, 640]. То есть рабочие оказались носителями консервативного нравственного идеала.

Перестройка представляется автору попыткой перехода общества к «либеральной цивилизации» из некоего «промежуточного состояния», в котором оно находилось. Возглавляла это движение правящая элита, стремившаяся к углублению «либерального подхода к проблемам» [Ахиезер 1998, с. 646, 652]. Этот подход, очевидно, был связан со стремлением региональных и республиканских элит к самостоятельности (локализму). Особую роль в этом сыграло руководство РСФСР, которое, будучи охваченно «волной локализма, выступило в масштабе СССР как передовой отряд локализма, требующий республиканского суверенитета». В условиях нарастания локализма власть в лице Горбачёва лишь пыталась «осмыслить неуклонно идущий процесс», и принимала решения с запозданием. Инициативой в этих процессах она не владела. В условиях раскола власть могла принимать лишь не вполне адекватные («хромающие») решения, которые не позволили справиться с надвигающимися проблемами. В итоге по мере все большего выхода ситуации из-под контроля «выдвигались все более радикальные проекты реформы и тем больше они приближались к идеалу полного разрушения сложившегося к началу перестройки порядка» [Ахиезер 1998, с. 654, 655, 646, 656].

Следует отметить, что Ахиезер придавал серьезное значение неосознанным факторам движения исторического процесса. Он писал, в частности, что историческими событиями «управляют какие-то совершенно иные силы, а не оружие и не авторитет центральной власти, начальства» [Ахиезер 1998, с. 665]. Также он пытался применять к анализу общественных явлений методы, относящиеся к точным или естественным наукам [Ахиезер, Гольц 1992, с. 45–54].

Такие подходы связаны с идеями социальной синергетики. Как научная концепция синергетика возникла во второй половине XX в. Этот термин был заимствован из естественных наук, в частности у школы бельгийского физика русского происхождения Ильи Пригожина и немецкого физика Германа

Хакена. Некоторые ученые считают, что эта теоретическая установка «дает методологическую основу и аналитический инструментарий для исследования неустойчивых ситуаций, переходных процессов, хаотизации и альтернатив развития в самых разных науках – естественных и социальных...» [Бородкин 2004, с. 27].

В синергетике процесс развития понимается как становление «качественно нового, связанного с событием в состоянии неустойчивости (точке бифуркации)». Сторонники этого подхода считают, что общественное развитие имеет нелинейный характер, а общество – это самоорганизующаяся система, у которой есть свои жизненные циклы, никак не связанные с волей людей. В периоды стабильного развития общественная система находится в состоянии внутреннего равновесия, однако под воздействием внешних и внутренних факторов внутреннее неравновесие системы нарастает и достигает своего максимума в точках бифуркации (полифуркации) – переломных моментах в развитии обществ. Здесь ключевую роль играют случайные факторы (флуктуации), действия которых «принципиально невозможно предугадать и спрогнозировать» [Бородкин 2004, с. 26, 29]. Такие критические моменты в жизни обществ («точки бифуркации») и есть предмет анализа социальной синергетики.

Безусловно, такой подход заслуживает внимания и применительно к распаду СССР, что в этом случае можно представить как точку бифуркации. Работы в этом методологическом направлении стали возникать сразу после распада СССР [Гомаюнов 1994, Бранский 1999, Сапронов 2002 и др.]. Однако следует учитывать, что применение данного подхода к изучению истории пока достаточно ограничено, что связано с необходимостью освоения новых и сложных понятий, присущих синергетике, и не свойственных для общественных наук – таких, как энтропия, диссипация, бифуркация и др. Кроме того, даже их устойчивое усвоение не гарантирует применимость концепции к историческим явлениям и процессам. Сохраняется также давний дискуссионный вопрос о различиях в методологии общественных наук и естествознании, а также возможность превращения таких исследований в некое новое издание социальной физики. Эти опасения будут рассеяны только в случае появления серьезного исторического исследования, основанного на данной теоретико-методологической схеме.

Таковы главные методологические установки, на которых базировались работы отечественных исследователей по теме распада СССР. Они различаются своим происхождением, степенью разработанности, в их основе отражаются различные философские направления – от материализма до постмодернизма. Однако почти все они позволяют ученым сойтись во мнении, что основой процесса распада были следующие факторы – внешние, внутренние объективные и внутренние субъективные. Основные направления российской

историографии распада СССР определяются зародившимися в западной советологии теориями и подходами. Создать что-то принципиально отличное от западных концепций российским историкам пока не удалось, хотя попытки научного поиска налицо.

В рамках традиционного марксистского подхода отечественными учеными были созданы первые обобщающие работы по данной теме. Этот подход позволяет тщательно оценивать социально-экономические предпосылки рассматриваемых событий. Модернизационная парадигма дает возможность соотнести этапы развития нашей страны с этапами жизни западного общества. Имперская интерпретация позволяет поставить вопрос об инерционности и исторической преемственности развития российского многонационального общества. Культурологический взгляд подчеркивает цивилизационную специфику России как один из главных факторов в переломных исторических ситуациях. Социальная синергетика поставила вопрос о роли случайных и бессознательных факторов в процессах общественных изменений. Тоталитарный подход, при всех его недостатках, сыграл свою роль в процессе осознания и осмысления отечественными учеными особенности общественных структур, взаимодействий и их развития в нашей стране в советский период.

Различие методологических подходов, с нашей точки зрения, имеет не только сугубо научное, но и более широкое – общемировоззренческое, философское значение. В этом отношении отечественные исследователи вышли на фундаментальный вопрос о том, с каких позиций вообще следует подходить к изучению истории России? Речь о том, изучать ли историю России как некий недоразвитый вариант, как не вполне удачное отклонение в развитии западного мира, как вторичное явление, сопоставляя с развитием западных стран, взятых за образец? Или же считать российское общество уникальным, самостоятельным, не терпящим слепых заимствований с Запада, изучая его таким, какое оно есть и было, не сравнивая с чем-то, а выводя его собственные закономерности развития. Этот общий водораздел может выступать и как идеологический инструмент, и как чисто научная установка, служащая достижению истины. Для исследования микропроцессов он не столь важен, но в таком сложном явлении, как распад СССР, неизбежно последует выход на уровень обобщений, где может сыграть свою роль эта теоретическая установка, выступив как идеологическая и политическая позиция. Стало быть, этот вопрос как бы нависает над исследователем, неизбежно накладывая свой отпечаток (непосредственно или опосредованно) на работу ученого. Для тем, близких к современности и общественно значимых, такая ситуация неизбежна.

Перспективным направлением работы исследователей в рамках изучения процесса распада СССР представляется поиск и объединение наиболее полезных аспектов рассмотренных подходов с целью формирования адекватной

картины произошедшего, способной принести положительные плоды в будущем.

Библиография

- Алексеев В.В., Алексеева Е.В. Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5. С. 3–20.
- Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Новосибирск: Новосибирский хронограф, 1998. Т. 1: От прошлого к будущему. 804 с.
- Ахиезер А.С., Гольц Г.А. Критические пороги социальных систем // Общественные науки и современность. 1992. № 1. С. 45–54.
- Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1917–2009. М.: Аспект Пресс, 2010. 846 с.
- Баталов Э.Я. Перестройка и судьба России // Общественные науки и современность. 1992. № 2. С. 25–35.
- Безбородов А.Б., Елисева Н.В., Шестаков В.А. Перестройка и крах СССР. 1985–1993. СПб.: Норма, 2010. 216 с.
- Бородай Ю.М. Тоталитаризм: хроника и лихорадочный кризис // Наш современник. 1992. № 7. С. 121–130.
- Бородкин Л.И. Методологические аспекты исследования цивилизационной динамики: синергетический подход // Социальные трансформации в российской истории: Сборник докладов Международной научной конференции. Екатеринбург, 2–3 июля 2004 г. Екатеринбург; М.: Академкнига, 2004. С. 26–42.
- Бранский В.П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // Общественные науки и современность. 1999. № 6. С. 117–127.
- Бутенко А.П. Историческая неудача или начало революции // Общественные науки и современность. 1992. № 4. С. 55–66.
- Бутенко А.П. Особенности крушения тоталитаризма коммунистических цветов // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 169–175.
- Вдовин А.И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М.: Вече, 2013. 634 с.
- Гайдар Е.Т. Гибель империи: уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.
- Герасимов И.В. Российская ментальность и модернизация // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 63–73.
- Гомаюнов С.Г. От истории синергетики к синергетике истории // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 99–106.
- Дрожжин В.А. Ликвидация СССР и сионизм. М.: Алгоритм, 2009. 256 с.
- Ерасов Б.С. Одномерная логика российских модернизаторов // Общественные науки и современность. 1995. № 2. С. 68–78.
- Заболотный Е.Б., Камынин В.Д. Современная литература о социокультурной трансформации России в XX в. // Социальные трансформации в российской истории: Сборник докладов Международной научной конференции. Екатеринбург, 2–3 июля 2004 г. Екатеринбург; М.: Академкнига, 2004. С. 486–500.
- Зиновьев А.А. Гибель «империи зла» (Очерк Российской трагедии) // Социологические исследования. 1994. № 11. С. 105–118.
- Зиновьев А.А. Несостоявшийся проект: Распутье. Русская трагедия. М.: АСТ, 2009. 542 с.
- Зубков К.И. Советский коммунистический эксперимент в контексте социальной эволюции XX века // Социальные трансформации в российской истории: Сборник докладов Между-

народной научной конференции. Екатеринбург, 2–3 июля 2004 г. Екатеринбург; М.: Академкнига, 2004. С. 236–246.

Зюганов Г.А. Процесс: судьи и судьбы. Выступление в Конституционном суде на процессе по «Делу КПСС» // Литературная Россия. 1992. № 30.

Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. М.: РОСПЭН, 2004. 744 с.

Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 342 с.

Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. Книга вторая. От Великой Победы до наших дней. М.: Алгоритм, 2001. 688 с.

Кириллов В.В. Распад СССР: историографическая парадигма // Вестник МГПУ. Сер. «Исторические науки». 2008. № 1 (22). С. 67–72.

Коршунов М.М., Кочеткова М.В. Историография распада СССР // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 6.

Кургинян С.Е. Седьмой сценарий. М.: ЭТЦ, 1992. 272 с.

Лукашевич Д.А. Юридический механизм разрушения СССР. М.: Алгоритм, 2016. 520 с.

Медведев Р.А. Советский Союз. Последние годы жизни. Конец советской империи. М.: АСТ, 2010. 673 с.

Павлова И.В. Современные западные историки о сталинской России 30-х годов (Критика «ревизионистского» подхода) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 107–121.

Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 421 с.

Панарин И. Первая мировая информационная война. Развал СССР. СПб.: Питер, 2010. 256 с.

Петров А.В. Тоталитаризм: уроки прошлого: учеб.-метод. пособие. Иркутск: ИГУ, 2011. 136 с.

Пихоя Р.Г. Почему распался Советский Союз? // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М.: Соц-полит. мысль, 2005. С. 404–423.

Распад СССР. Документы / Сост. А.В. Шубин. М.: ИВИ РАН, 2006. 286 с.

Сапронов М.В. Синергетический подход в исторических исследованиях: новые возможности и трудности применения // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С. 158–172.

Семенов А. Чем был Советский Союз и что означает его распад. Дискуссии западных историков // Неприкосновенный запас. 2001. № 6 (20). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2001/6/chem-by-l-sovetskij-soyuz-i-cto-oznachaet-ego-raspad-diskussii-zapadnyh-istorikov.html> (дата обращения: 28.09.2019).

Сенявский А.С. Социальные трансформации в России в контексте цивилизационной специфики (XX в.) // Социальные трансформации в российской истории: Сборник докладов Международной научной конференции. Екатеринбург, 2–3 июля 2004 г. Екатеринбург; М.: Академкнига, 2004. С. 90–109.

Согрин В.В. Перестройка: итоги и уроки // Общественные науки и современность. 1992. № 1. С. 133–147.

Согрин В.В. Российская история на переломе: причины, характер, следствия // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 5–16.

Согрин В.В. Взлет и крушение российских утопий // Общественные науки и современность. 1995. № 3. С. 5–16.

Станкевич З.А. История крушения СССР. Политико-правовые аспекты. М.: Изд-во МГУ, 2001. 320 с.

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

Стецура Ю.А. «Директивная демократия» – политическая основа сталинской постреволюционной модернизации СССР // Социальные трансформации в российской истории: Сборник докладов Международной научной конференции. Екатеринбург, 2–3 июля 2004 г. Екатеринбург; М.: Академкнига, 2004. С. 361–379.

Тишков В.А. Этнический фактор и распад СССР: варианты объяснительных моделей // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. М.: Социально-политическая мысль, 2005. С. 588–600.

Фроянов И.Я. Погружение в бездну (Россия на исходе XX века). СПб.: СПбГУ, 1999. 795 с.

Чешко С.В. Распад СССР: этнополитический анализ. М.: ИЭА РАН, 2000. 398 с.

Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 355 p.

Friedrich C.J., Brzezinski Zb. Totalitarian dictatorship and autocracy. New York: Praeger, 1961. 346 p.

Hough J. The Cultural Revolution and Western Understanding of the Soviet System // Cultural Revolution in Russia, 1928–1931. Bloomington: Indiana University Press, 1978. P. 241–254.

Lowenthal R. Development vs Utopia in Communist Policy // Change in Communist Systems. Stanford: Stanford University Press, 1970. P. 33–116.

Malia M. The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991. New York: The Free Press, 1994. 592 p.

References

Akhiezer A.S., Goltz G.A. Kriticheskie porogi sotsial'nykh sistem [Critical thresholds of social systems]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. 1992. N 1. P. 45–54. (In Russ.)

Akhiezer, A.S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (Sotsiokul'turnaya dinamika Rossii) [Russia: critique of historical experience (Sociocultural dynamics of Russia)]. Novosibirsk: Novosibirsk Chronograph, 1998. Vol. 1: From Past to Future. 804 p. (In Russ.)

Alekseev, V.V., Alekseeva, E.V. Raspad SSSR v kontekste teorii modernizatsii i imperskoj evolyutsii [USSR collapse in the context of theories of modernization and imperial evolution]. *Otechestvennaya istoriya* [Fatherland history]. 2003. N 5. P. 3–20. (In Russ.)

Barsenkov A.S., Vdovin A.I. Istoriya Rossii. 1917–2009 [History of Russia. 1917–2009]. Moscow: Aspect Press, 2010. 846 p. (In Russ.)

Batalov, E.Ya. Perestrojka i sud'ba Rossii [Perestroika and Fate of Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. 1992. N 2. P. 25–35. (In Russ.)

Bezborodov A.B., Eliseeva N.V., Shestakov V.A. Perestrojka i krakh SSSR. 1985–1993 [Perestroika and collapse of the USSR]. 1985–1993. Saint Petersburg: Norma, 2010. 216 p. (In Russ.)

Boroday Yu.M. Totalitarizm: khronika i likhoradochnyj krizis [Totalitarianism: chronicle and feverish crisis]. *Nash sovremennik* [Our contemporary]. 1992. N 7. P. 121–130. (In Russ.)

Borodkin L.I. Metodologicheskie aspekty issledovaniya tsivilizatsionnoj dinamiki: sinergeticheskij podkhod [Methodological aspects of civilization dynamics research: synergetic approach]. *Sotsial'nye transformatsii v rossijskoj istorii: Sbornik dokladov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii* [Social transformations in Russian history: Collection of reports of international scientific conference]. Екатеринбург, 2–3 July 2004. Екатеринбург; Moscow: Akademkniga, 2004. P. 26–42. (In Russ.)

Branskiy V.P. Sotsial'naya sinergetika kak postmodernistskaya filosofiya istorii [Social synergy as post-modern philosophy of history]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. 1999. N 6. P. 117–127. (In Russ.)

Butenko A.P. Istoricheskaya neudacha ili nachalo revolyutsii [Historical Failure or Beginning of Revolution]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. 1992. N 4. P. 55–66. (In Russ.)

Butenko A.P. Osobennosti krusheniya totalitarizma kommunisticheskikh tsvetov [Peculiarities of the collapse of totalitarianism of communist flowers]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and Modernity]. 1995. N 5. P. 169–175. (In Russ.)

Chesko S.V. Raspad SSSR: etnopoliticheskij analiz [Decomposition of the USSR: Ethnopolitical Analysis]. Moscow: IAA RAN, 2000. 398 p. (In Russ.)

Drozhdzhin V.A. Likvidatsiya SSSR i sionizm [Liquidation of the USSR and Zionism]. Moscow: Algorithm, 2009. 256 p. (In Russ.)

Erasov B.S. Odnomernaya logika rossijskikh modernizatorov [Univariate Logic of Russian Modernizers]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Science and Modernity]. 1995. N 2. P. 68–78. (In Russ.)

Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. 355 p.

Friedrich C.J., Brzezinski Zb. Totalitarian dictatorship and autocracy. New York: Praeger, 1961. 346 p.

Froyanov I.Ya. Pogruzhenie v bezdnu (Rossiya na iskhode XX veka) [Diving into the Abyss (Russia at the end of XX century)]. Saint Petersburg: SPGU, 1999. 795 p. (In Russ.)

Gaidar E.T. Gibel' imperii: uroki dlya sovremennoj Rossii [Death of Empire: lessons for modern Russia]. Moscow: ROSSPEN, 2006. 448 p. (In Russ.)

Gerasimov I.V. Rossijskaya mental'nost' i modernizatsiya [Russian mentality and modernization]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and Modernity]. 1994. N 4. P. 63–73. (In Russ.)

Gomajunov S.G. Ot istorii sinergetiki k sinergetike istorii [From History of Synergetics to Synergetics of History]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. 1994. N 2. P. 99–106. (In Russ.)

Hough J. The Cultural Revolution and Western Understanding of the Soviet System // Cultural Revolution in Russia, 1928–1931. Bloomington: Indiana University Press, 1978. P. 241–254.

Istochnikovedenie novejshej istorii Rossii: teoriya, metodologiya i praktika [Source study of the modern history of Russia: theory, methodology and practice]. Moscow: ROSPAN, 2004. 744 p. (In Russ.)

Kappeler A. Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya: Vozniknovenie. Istoriya. Raspad [Russia – Multinational Empire: The Origin. History. Decomposition]. Moscow: Progress-Tradition, 2000. 342 p. (In Russ.)

Kara-Murza S.G. Sovetskaya tsivilizatsiya. Kniga vtoraya. Ot Velikoj Pobedy do nashikh dnei [Soviet civilization. Book Two. From the Great Victory to the present day]. Moscow: Algorithm, 2001. 688 p. (In Russ.)

Kirillov V.V. Raspad SSSR: istoriograficheskaya paradigma [The USSR collapse: a historiographical paradigm]. *Vestnik MGPU. Ser. «Istoricheskie nauki»* [Vestnik MSU. Ser. «Historical Sciences»]. 2008. N 1 (22). P. 67–72. (In Russ.)

Korshunov, M.M.; Kochetkova, M.V. Istoriofografiya raspada SSSR [Historiography of the USSR disintegration]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Humanitarian scientific research]. 2014. N 6. (In Russ.)

Kurginyan S.E. Sed'moj stsenerij [Seventh scenario]. Moscow: ETC, 1992. 272 p. (In Russ.)

Lowenthal R. Development vs Utopia in Communist Policy // Change in Communist Systems. Stanford: Stanford University Press, 1970. P. 33–116.

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

- Lukashevich D.A. Yuridicheskij mekhanizm razrusheniya SSSR [Legal mechanism of USSR destruction]. Moscow: Algorithm, 2016. 520 p. (In Russ.)
- Malia M. The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917–1991. New York: The Free Press, 1994. 592 p.
- Medvedev R.A. Sovetskij Soyuz. Poslednie gody zhizni. Konets sovetskoj imperii [Soviet Union. The last years of life. The end of the Soviet empire]. Moscow: AST, 2010. 673 p. (In Russ.)
- Panarin I. Pervaya mirovaya informatsionnaya vojna. Razval SSSR [The First World Information War. Collapse of the USSR]. Saint Petersburg: Piter, 2010. 256 p. (In Russ.)
- Pavlova I.V. Sovremennye zapadnye istoriki o stalinskoj Rossii 30-kh godov (Kritika «revizionistskogo» podkhoda) [Modern Western Historians on Stalinist Russia of the 30s (Criticism of the «revisionist» approach)]. Otechestvennaya istoriya [Fatherland History]. 1998. N 5. P. 107–121. (In Russ.)
- Petrov A.V. Totalitarizm: uroki proshlogo: ucheb.-metod. posobie [Totalitarianism: lessons of the past: a training manual]. Irkutsk: Institute of State University, 2011. 136 p. (In Russ.)
- Pihoya R.G. Pochemu raspalsya Sovetskij Soyuz? [Why the collapse of the Soviet Union?]. Tragediya velikoj derzhavy: natsional'nyj vopros i raspad Sovetskogo Soyuz [Tragedy of the Great Power: the national issue and the collapse of the Soviet Union]. Moscow: Social-Political Thought, 2005. P. 404–423. (In Russ.)
- Pipes R. Rossiya pri starom rezhime [Russia under the old regime]. Moscow: Nezavisimaya Gazeta, 1993. 421 p. (In Russ.)
- Raspad SSSR. Dokumenty / Sost. A.V. Shubin [The Collapse of the Soviet Union. Documents. Ed. by A.V. Shubin]. Moscow: IVY RAN, 2006. 286 p. (In Russ.)
- Sapronov M.V. Sinergeticheskij podkhod v istoricheskikh issledovaniyakh: novye vozmozhnosti i trudnosti primeneniya [Synergetic approach in historical research: new opportunities and difficulties of application]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and Modernity]. 2002. N 4. P. 158–172. (In Russ.)
- Semyonov A. Chem byl Sovetskij Soyuz i chto oznachaet ego raspad. Diskussii zapadnykh istorikov [What was the Soviet Union and what does its disintegration mean. Discussions of the Western historians]. Neprikosnovennyj zapas [Untouched reserve]. 2001. N 6 (20). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2001/6/chem-by-l-sovetskij-soyuz-i-chto-oznachaet-ego-raspad-diskussii-zapadnyh-istorikov.html> (date of access: 28.09.2019). (In Russ.)
- Senyavskiy A.S. Sotsial'nye transformatsii v Rossii v kontekste tsivilizatsionnoj spetsifiki (XX v.) [Social Transformations in Russia in the Context of Civilization Specificity (XX century)]. Sotsial'nye transformatsii v rossijskoj istorii: Sbornik dokladov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. Ekaterinburg, 2–3 iyulya 2004 g. [Social Transformations in Russian History: Collection of Reports of International Scientific Conference. Ekaterinburg, 2–3 July 2004]. Ekaterinburg; Moscow: Academkniga, 2004. P. 90–109. (In Russ.)
- Sogrin V.V. Perestrojka: itogi i uroki [Perestroika: results and lessons]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and Modernity]. 1992. N 1. P. 133–147. (In Russ.)
- Sogrin V.V. Rossijskaya istoriya na perelome: prichiny, kharakter, sledstviya [Russian History at a Breakthrough: Causes, Character, Consequences]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. 1994. N 1. P. 5–16. (In Russ.)
- Sogrin V.V. Vzlet i krushenie rossijskikh utopij [Rise and fall of the Russian utopias]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social sciences and modernity]. 1995. N 3. P. 5–16. (In Russ.)
- Stankevich Z.A. Istoriya krusheniya SSSR. Politiko-pravovye aspekty [History of the collapse of the USSR. Political-legal aspects]. Moscow: Moscow State University Publishing House, 2001. 320 p. (In Russ.)

Stetsura Yu.A. «Direktivnaya demokratiya» – politicheskaya osnova stalinskoj postrevolyutsionnoj modernizatsii SSSR [«Direktivnaya Demokratiya» – political basis of Stalinist postrevolutionary modernization of the USSR]. Sotsial'nye transformatsii v rossijskoj istorii: Sbornik dokladov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. Ekaterinburg, 2–3 iyulya 2004 g. [Social transformations in Russian history: Collection of reports of the international scientific conference. Yekaterinburg, 2–3 July 2004]. Yekaterinburg; Moscow: Akademkniga, 2004. P. 361–379. (In Russ.)

Tishkov V.A. Etnicheskij faktor i raspad SSSR: varianty ob'yasnitel'nykh modelej [Ethnic Factor and Collapse of the USSR: variants of explanatory models]. Tragediya velikoj derzhavy: natsional'nyj vopros i raspad Sovetskogo Soyuzha [Tragedy of Great Power: National Question and Collapse of the Soviet Union]. Moscow: Social and political thought, 2005. P. 588–600. (In Russ.)

Vdovin A.I. Russkie v XX veke. Tragedii i triumfy velikogo naroda [Russians in XX century. Tragedies and triumphs of the great people]. Moscow: Veche, 2013. 634 p. (In Russ.)

Zabolotny E.B., Kamynin V.D. Sovremennaya literatura o sotsiokul'turnoj transformatsii Rossii v XX v. [Modern Literature on Socio-Cultural Transformation of Russia in the XX Century. Social Transformations in Russian History: Collection of Reports of the International Scientific Conference]. Ekaterinburg, 2–3 July 2004. Ekaterinburg; Moscow: Akademkniga, 2004. P. 486–500. (In Russ.)

Zinoviev A.A. Gibel' «imperii zla» (Ocherk Rossijskoj tragedii) [Death of «evil empire» (Essay of Russian tragedy)]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies]. 1994. N 11. P. 105–118. (In Russ.)

Zinoviev A.A. Nesostoyavshijsya proekt: Rasput'e. Russkaya tragediya [Incomplete Project: Crossroads. Russian Tragedy]. Moscow: AST, 2009. 542 p. (In Russ.)

Zubkov K.I. Sovetskij kommunisticheskij eksperiment v kontekste sotsial'noj evolyutsii XX veka [Soviet communist experiment in the context of social evolution of XX century]. Sotsial'nye transformatsii v rossijskoj istorii: Sbornik dokladov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii Ekaterinburg, 2–3 iyulya 2004 g. [Social transformations in Russian history: Collection of reports of international scientific conference. Ekaterinburg, 2–3 July 2004]. Ekaterinburg; Moscow: Akademkniga, 2004. P. 236–246. (In Russ.)

Zyuganov G.A. Protsess: sud'i i sud'by. Vystuplenie v Konstitutsionnom sude na protsesse po «Delu KPSS» [Process: judges and destinies. Speech in the Constitutional Court at the trial on the «CPSU Case»]. Literaturnaya Rossiya [Literary Russia]. 1992. N 30. (In Russ.)